

УДК 81.362

DOI: 10.26140/bg23-2019-0804-0044

ФЕНОМЕН ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛАКУНАРНОСТИ

© 2019

Акай Оксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук РГЭУ РИНХ, доцент кафедры «Иностранные языки»

Донской государственный технический университет (ДГТУ)

(344022, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162, e-mail: oksanaakay@gmail.com)

Аннотация. Явление лакунарности пронизывает (в различных вариациях) всю знаковую деятельность, но если в изучении лексических, лексико-стилистических и эмотивных лакун уже достигнуты существенные результаты, которые находят применение в практике перевода и – шире – межкультурной коммуникации, то грамматические лакуны исследованы неизмеримо хуже. Между тем, анализ явления грамматической лакунарности в качестве результата лингвистического опыта познания мира, исследование грамматических лакун как отражения наиболее существенных корреляций объективной действительности, мышления и языка не менее значимы, чем изучение лексических лакун. Лакунарность охватывает все уровни, в том числе – «верхние», то есть предложение и текст, но то, что наибольшее исследовательское внимание всегда привлекали лексико-фразеологические лакуны, конечно, вполне оправданно. В последние годы усилился интерес к межъязыковой лакунарности к верхним уровням, например - речевым жанрам. Любопытно распространение идеи лакунарности на такие сферы, как лексические заимствования. Так, многочисленные терминологические заимствования из английского языка (прежде всего из сферы финансовой и коммерческой деятельности) при таком подходе представляются отнюдь не порчей и засорением русского языка, а закономерным процессом элиминации лакун, на определенном историческом этапе (90-е гг. XX в.) ставших препятствием на пути процессов, в которых начали активно участвовать носители русского языка. Уже из одного этого примера ясно, что понятие «лакуна» обладает серьезным исследовательским потенциалом. Но практически полное отсутствие работ, посвященных собственно грамматической (морфологической) лакунарности явилось причиной обращения именно к грамматическому уровню, который мы считаем в высшей степени актуальным, значимым и перспективным для дальнейшего развития лакунологии и в целом – грамматической науки. При изучении феномена грамматической лакунарности были использованы следующие методы: метод привативных оппозиций, когда рассматривались изменяемые / неизменяемые лексические единицы, метод моделирования и психолингвистический метод, с помощью которого исследовались фрагменты языкового сознания у носителей языка и выявлялось наличие в семантике слов психологического компонента.

Ключевые слова: лакуны, межъязыковые лакуны, лакунарность, грамматическая лакуна, грамматическое значение, грамматическая категория, элиминирование грамматических лакун, грамматическая семантика, сингулярность, плюральность, части речи.

THE GRAMMATICAL LACUNARITY PHENOMENON

© 2019

Akay Oksana Mikhailovna, candidate of philological sciences, associate professor of the Department

“Humanities and Social Sciences” Rostov State Economic University (RSUE RINH),

associate professor of the Department “Foreign Languages”

Don State Technical University (DSTU)

(344022, Russia, Rostov-on-Don, Sotsialisticheskaya str., 162, e-mail: oksanaakay@gmail.com)

Abstract. The phenomenon of lacunarity permeates (in different variations) all the sign activities, but if the study of lexical, lexical-stylistic and emotive lacunae has already achieved significant results that are used in the practice of translation and, more broadly, intercultural communication, the grammatical lacunae are investigated infinitely worse. Meanwhile, the analysis of the phenomenon of grammatical lacunarity as a result of the linguistic historical experience of knowledge of the world, the study of grammatical lacunae as a reflection of the most significant correlations of objective reality, thinking and language is no less significant than the study of lexical lacunae. The lacunarity covers all levels, including the “upper” one, that is, the sentence and the text, but the fact that lexical and phraseological lacunae have always attracted the most research attention is, of course, quite justified. In recent years, the interest in interlingual lacunarity towards the higher levels, for example, speech genres, has increased. It is interesting to spread the idea of lacunarity to such areas as lexical borrowing. Thus, numerous terminological borrowings from the English language (primarily from the sphere of financial and commercial activities) with this approach do not appear to be spoiling and clogging up the Russian language, but as a natural process of lacunae elimination at a certain historical stage (the 90s of the 20th century) the obstacles to the processes in which native Russian speakers began to actively participate. This example shows that the concept of “lacunae” has a serious research potential. But the almost complete absence of works devoted to the proper grammatical (morphological) lacunarity was the reason for referring to the grammatical level, which we consider highly relevant, meaningful and promising for the further development of lacunology and in general - the grammar science. When studying the phenomenon of grammatical lacunarity, the following methods were used: the method of privative oppositions, when changing / immutable lexical units were considered, the modeling method and the psycholinguistic method by which fragments of linguistic consciousness were studied in native speakers and the psychological component was revealed in the semantics of words.

Keywords: lacunae, interlingual lacunae, lacunarity, grammatical lacunae, grammatical meaning, grammatical category, grammatical lacunae elimination, grammatical semantics, singularity, plurality, parts of speech.

Введение. Считается, что национальное своеобразие языка наиболее ярко проявляется в лексике, поскольку это своеобразный «инвентарь» представлений о вещах, признаках и процессах, полученный в результате взаимодействия языка с внеязыковой действительностью. Грамматика же нередко видится лишь средством чисто структурного приспособления лексем друг к другу. Однако, по сути, именно грамматика являет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему. В этом смысле грамматические лакуны пред-

ставляют не меньший (чем лексические) интерес как отражение особенностей национального «мировидения». Грамматика выражает осмысление мира, только особым, отвлеченным способом, в особой, обобщенной форме [1, с. 96]. В этом смысле грамматические лакуны представляют несомненный интерес как отражение особенностей «мировидения».

«Белым пятном» в лакунологии было и остается объяснение самого существования лакунарности. Если на лексическом уровне корреляции между опытом лингвокультурной общности и особенностями ее языка до-

статочны очевидны, то экспланаторность на грамматическом уровне всегда вызывала большие трудности. В самом деле, понятно, почему в языках народов Севера богатая лексическая синонимика, связанная с понятием «снег» (не отмеченная, естественно, в иных языках). Но совсем не ясно, почему при общности законов мышления языки существенно, иногда кардинально, расходятся с точки зрения состава грамматических категорий. В работах последнего времени высказан ряд идей, связанных с мотивированностью грамматических форм и категорий социокультурными обстоятельствами [2, с. 9-10]. Авторы, которые обращаются (с учетом реалий когнитивной науки XXI века, с использованием новых лингвистических данных) к гипотезе языковой относительности Сепира-Уорфа, справедливо полагают, что должна быть создана современная целостная теория неорелятивизма [3, с. 17-49]. Граница между лексикой и грамматикой как двумя глобальными составляющими языковой системы в ряде случаев оказывается сильно размытой, в результате чего возникает ряд пограничных явлений, описание которых затруднено нехваткой и недостаточной степенью разработанности теоретического инструментария.

Итак, актуальная задача, которая стоит перед грамматической наукой сегодня, заключается в том, чтобы перейти от фиксации лакун к объяснению причин лакунарности. Но чтобы объяснить причины грамматической лакунарности, важно исследовать проблему мотивированности грамматических значений и категорий в целом.

Грамматическая лакунарность. Проблема мотивированности грамматической семантики. Со времен В. Гумбольдта укрепилось представление о языке как особом мировидении (границы моего языка означают границы моего мира). Естественно, что это представление распространяется и на грамматику. То обстоятельство, что общечеловеческое мышление манифестируется с помощью многочисленных языков, серьезно отличающихся по грамматическому устройству, по совокупности значений, отраженных в грамматических формах, определило появление теорий, согласно которым именно язык является определяющим фактором по отношению к национальному менталитету. Языки существенно различаются тем, какие значения кодируются в них грамматическими средствами. Так, в китайском языке нет категории времени – центральной для европейцев. Информация о локализации и последовательности ситуаций передается в китайском с помощью аспектуальных показателей и темпоральных обстоятельств, а в значительном числе случаев вообще никак не эксплицируется, будучи выводимой из контекста [4, с. 26]. Но при всем различии грамматических категорий принципы темпоральности по многим параметрам совпадают в языках мира. Русское настоящее время (в изолированном употреблении) воспринимается как недостаточно информативное (по сравнению, например, с английской формой Continuous), но восполнение происходит на лексическом уровне или в контексте ситуации.

Как известно, грамматика исследует законы, по которым наши мысли принимают материальную, языковую оболочку. Э. Сепир связывал наличие грамматического рода в языке с «догмами бессознательного», с архаичными концептами, которые поддерживаются в современных языках инертностью грамматической формы» [5, с. 77-78]. А.А. Потебня отмечал, что «грамматический род принадлежит к числу общих человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» [6, с. 461]. Как убедительно показано в работах А.А. Потебни, формы мужского и женского рода никогда не бывают системно пустыми, они сохраняют свое категориальное значение даже в том случае, если они характеризуют неодушевленные существительные, что прекрасно видно при поэтическом

использовании таких слов (то есть при олицетворении или сравнении). Тем более семантически значим род у одушевленных существительных – у антропонимов и зоонимов. То есть наличие рода – грамматической категории с семантической, а не структурной доминантой – глубоко мотивировано всей человеческой практикой. Не ясно, однако, почему в одних языках родовые различия сохраняются в диахронии, а в других утрачиваются. Причем эти диахронические различия оцениваются неоднозначно. Э. Сепир, как известно, относил к достоинствам английского языка то его качество, что он «избавился от этого родо-полового кошмара» (именной категории рода). Г.И. Тираспольский [7, с. 101] считает падение аффиксальной категории рода английского языка в грамматическом отношении невосполнимой утратой. То, что некоторые существительные в современном английском языке регулярно соотносятся с личными местоимениями *he* или *she* (*sun, moon, ship, love, time*), вызвано не регенерацией категории рода в аналитическом облике, а разными внеязыковыми факторами: мифологическими представлениями, культурно-поэтической традицией и психологическими ассоциациями. Многие исследователи грамматической семантики в русском языке (А.А.Потебня, Я.И. Гин, Б.Ю. Норман и мн. др.) указывали на огромный эстетический потенциал категории рода.

Различение единичности и множественности в высшей степени значимо для языков мира, и в большинстве из них оно оформляется грамматической категорией числа. Однако из этого общего посыла вовсе не следует, что конкретные грамматические значения в составе этой категории, их состав и взаимообусловленность будут идентичными. Как известно, различаются уровень абстракции (противопоставление языков с двучисловой парадигмой тем языкам, которые имеют двойственное, тройственное и даже четверственное число; чаще, конечно, представлено двойственное число), наличие/отсутствие форм *pluralia tantum*. Прежняя распространенность двойственного числа связана с важностью в человеческой практике парности – парные части тела, органы, многие предметы (одежда, обувь, орудия типа *весла* и т.п.), парная симметрия (*день и ночь, белое и черное, добро и зло* и т.д.).

Интересно, что существование в языке *pluralia tantum* коррелирует с изменением числовой формы имени при количественном числительном. В большинстве индоевропейских языков используется форма мн. числа имени при числительном (англ. *two houses*; русск. *два, три, четыре дома* – это, как известно, реликт двойственного числа, и, начиная с числительного *пять*, употребляется мн. числа – *пять, шесть домов*). В иберийско-кавказских, угро-финских, тюркских языках в подобных сочетаниях последовательно используется форма ед. числа имени, и в этих же языках отсутствуют *pluralia tantum*. Это соотношение – наличие *pluralia tantum* и характер сочетаемости имен с количественными числительными – давно привлекло внимание исследователей [8, с. 52]; [9, с. 95]; [10, с. 75]. С опорой на идеи Е. Куриловича [11, с. 149-205] и Э. Швейцера [12, с. 350-352], различия в числовом поведении (наличие / отсутствие *pluralia tantum* и сочетаемости с числительными по ед./мн. числу) объясняются с опорой на различные типы плюралей (на этапе формирования числа как особой грамматической категории). Как известно, Э. Швейцер разграничивал эллиптический плюраль (формула а-в), в которой преобладают представления о различии элементов, составляющих множество, и амплифицирующий плюраль (формула «а-а» или «а-а-а»), где доминирует сходство. Понятно, что отдельные элементы, составляющие множество (отраженное в грамматической форме мн. числа), должны, с одной стороны, различаться, а с другой – быть тождественными. Если бы элементы множества были абсолютно тождественными, была бы нужна особая форма мн. числа – указание на такие множества выражалось бы

с помощью одной и той же формы, к которой при необходимости присоединялись бы лексические указатели множности множества. Однако и абсолютно различными эти элементы быть не могут: в этом случае не было бы противопоставления ед. и мн. числа, а были бы случайные наименования - чисто речевые явления. Но так как категория числа существует, множество, лежащее в ее основе, должно быть осмыслено как тождество различий: различия позволяют выделить элемент из множества, а тождество не допускает превращения этого элемента в отдельное множество.

Языки, в которых преобладает понимание множества как недискретной, однородной совокупности (амплифицирующий плюраль), не имеют категории *pluralia tantum* (угро-финские, тюркские и многие автохтонные языки Кавказа). В тех же языках, где множество воспринимается как некая совокупность, состоящая из разнородных элементов (эллиптический плюраль), происходит постепенная лексикализация словоформ множественного числа и пополнение категории *pluralia tantum* (большинство индоевропейских языков и некоторые семитские языки). Таким образом, грамматические лакуны – отсутствие *pluralia tantum* в названных языках (при развитой категории числа) – объясняются особенностями формирования категории числа на начальном этапе ее развития.

Грамматические лакуны как знак культурно-языковой специфики. Лакуны отражают неконгруэнтность различных образов мира; ср. рассуждения Э. Сепира о том, как по-разному (с точки зрения грамматики) передается языковыми средствами ситуация «камень падает» [5, с. 81]. «Лакуны не заметны изнутри при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» [13, с. 4]. В последние годы были собраны обширные корпуса лакунарных единиц, чьи значения охватывают фрагменты действительности, не фиксируемые единицами других языков. В грамматике это прежде всего категориальные (частеречные) лакуны.

Части речи, будучи категориями мышления и языка, структурируют объективный мир; это развивающиеся и взаимодействующие друг с другом элементы грамматического строя. Число и состав частей речи в каждом языке национально специфичны, причем критерии их выделения отнюдь не являются очевидными и общепризнанными, ср.: «В каждом новом научном труде или учебном пособии по грамматике русского или английского языка предлагаются разительно отличающиеся друг от друга перечни грамматических категорий, частей речи, семантических и структурных типов предложения» [14, с. 93]. Под частями речи, как правило, понимаются системы классов: лишенные конкретности, они не воспроизводятся в речевых отрезках непосредственно. Части речи обобщают разрозненные, изолированные явления действительности, которые отражены в виде отдельных слов, передающих соответствующие понятия. Дело в том, что служить источником информации языковая семантика может только при условии, если она определенным образом организована, т.е. накоплена и умело рассортирована. Это свойство языковой семантики – следствие того, что язык выполняет кумулятивно-систематизирующую функцию. Иначе говоря, язык представляет собой своего рода устройство, обрабатывающее, накапливающее и сортирующее информацию. В этом отношении язык сравним с компьютером, выполняющим то же назначение и по своим программным свойствам, во многом имитирующим язык. Опорой для осуществления кумулятивно-систематизирующей функции служат структурно-семантические типы слов - части речи [7, с. 48]. В основе европейской грамматической традиции, связанной с учением о частях речи, лежит древнегреческое описание языка по акциденциям (грамматическим категориям). У Аристотеля классификация частей речи, отражающая результаты познавательной деятельности человека и включающая элементы диалектики, была поставлена в зависимость от семантики и логики, требовав-

ших такого членения классов слов, которое опиралось бы на выявление у них общих значений, в соответствии с которыми можно построить синтагмы, правильные с точки зрения логики.

Лексико-грамматический подход к частям речи исходит из комплексности критериев, из «тройки» сущности частей речи, которые имеют смысловую основу (обобщенное категориальное значение), морфологические свойства (формоизменение) и синтаксическую роль в предложении), а собственно референциальные свойства частей речи определяются их отнесенностью к разным фрагментам реального мира, поскольку каждая часть речи фиксирует свою собственную область. Но и этот подход не обеспечивает единого решения вопроса о количестве и составе частей речи. Так, в современном английском языке грамматисты указывают от 4 до 13 частей речи; в русском языке в разное время находили от 2 до 20 частей речи. «Бесспорными» частями речи чаще всего оказываются существительное, прилагательное, глагол и наречие. Спорадически статус особых частей речи придается числительному, местоимению, предложению, союзу, артиклю, междометию, а также модальным словам и частицам.

То, что характерно для «европейского стандарта», имеет мало общего с грамматической структурой иных языков. Так, в языке мовима отмечается слабый контраст между частями речи и отсутствие противопоставления между глаголом и существительным: они могут быть как предикатами, так и именной группой [15, с. 429]. В языке хупа категория времени может выражаться существительным [16, с. 88]. И подобные факты чрезвычайно важны для теоретического языкознания: «Для древних греков существовала пропасть между «бормотанием варваров» и единственным настоящим человеческим языком, а для современного лингвиста... отсутствие данных по многим языкам – невосполнимая утрата» [17, с. 14].

Есть две группы факторов, влияющих на появление лакун: 1. лингвистические факторы, связанные со своеобразием членения мира в том или ином конкретном языке, и 2. экстралингвистические, обусловленные своеобразием истории, культуры, географических, экономических условий народа – носителя языка. Очевидно, что на формирование частей речи как обобщенных классов слов наибольшее влияние оказывают собственно лингвистические факторы, которые, впрочем, тесно связаны с факторами экстралингвистическими.

Категориальная (частеречная) лакунарность — это лакунарность межъязыковая, она выявляется при сопоставлении языков, причем отсутствие той или иной части речи может (в ситуации сравнения с другими языками) ощущаться как недостаток. Ср. статью Р.Ф. Касаткиной с показательным названием: «Русский язык ищет артикль» [18, с. 3-9]. То, что в артиклевых языках передается с помощью определенного артикля – *the, la, die*, в русском языке выражается с помощью указательного местоимения *этот* (на это обстоятельство обратил внимание И.И. Ревзин, который, имея в виду артиклевую функцию местоимения *этот*, ввел термин «местоимение-артикль»), а также с помощью выделения ремы: *студентка пришла* (известный, ожидаемый персонаж прибыл). Если бы была выделена тема, то сообщалось бы о том, что какая-то, некая студентка пришла, что в артиклевых языках было бы передано с помощью артиклей *a, une, eine*. По мысли Р.Ф. Касаткиной [18, с. 6], в русском языке есть слова, которые могут быть охарактеризованы терминами квазиартикль или предартикль: *тот самый, пресловутый, небезызвестный, один*. Интересно, что Р.Ф. Касаткина объясняет «поисками артикля» участвовавшие в последнее десятилетие случаи плеонастического употребления местоимения *то*: *я думаю то, что...*; *мне кажется то, что...* «Это случаи гиперкорректного использования местоимения связаны с возникшей неустойчивостью статуса местоимения *тот, то, та, те,*

с формированием его новой артиклевой функции» [18, с. 7]. Однако вряд ли речь может идти о категориальном статусе артикля в русском языке.

Как известно, о причинах формирования артикля существует несколько гипотез. Есть мнение, согласно которому артикль возник в результате движения языковой семантики от конкретности к обобщённости, вследствие чего исторически более ранним является определённый артикль. В ряде языков возникновение артикля и расширение сферы его употребления связывают с изменением свойств прилагательного. Считается, что возникновение и эволюция артикля – результат развития в языке способности более точного, дифференцированного и разнообразного вычленения объекта с помощью имени. Есть предположение о том, что происхождение артикля связано с эволюцией номинативного строя предложения. Как считает Г.И. Тираспольский [7, с. 130-131], чтобы выбраться из этой «полюемической чаше», необходимо разграничить следующие факторы в истории артикля: 1) условия, 2) причины, 3) стимулы. Главным условием в генезисе артикля было такое свойство ряда языков, как «фонетическая открытость слова – способность слова изменять свою длину посредством устранения из него или добавления к нему фонем либо слогов (фонемный состав и уклад соответствующего языка при этом может оставаться неизменным). Таковы, как известно, флективные языки, и именно в некоторых из них возник и употребляется артикль. В отличие от этого в изолирующих и в большинстве агглютинирующих языков артикля нет и в обозримом будущем не предвидится – именно потому, что в языках этого типа слово обладает замкнутой или преимущественно замкнутой фонетической структурой, фонетическая компенсаторика здесь не возникает. Появление артикля связано с взаимодействием законов экономии, эмпазы и стабильности: там, где преобладают законы экономии и эмпазы, длина слова варьируется и в случае её сокращения начинает действовать фонетическая компенсаторика, мобилизующая артикль или новые аффиксы, либо то и другое вместе; там же, где господствует закон стабильности, такие условия и, соответственно, артикль и новые аффиксы не появляются. Причину возникновения артикля в соответствующих языках, считает Г.И. Тираспольский, можно усмотреть в стремлении говорящих, побуждаемых инстинктом захвата, сделать свою речь более доходчивой и выразительной в ответ на требование закона эмпазы [7, с. 131].

В современной лакунологии исследование собственно грамматических (морфологических) классов – это, конечно, не мейнстрим, и грамматический уровень, создающий свою особую «импликосферу» (термин М.Н. Эпштейна), остается недоисследованным. Изучение грамматических лакун неотделимо от решения таких проблем, как стратегии языкового кодирования внеязыковой информации, проблема универсального и идиоэтнического в языке, проблема языковых межкуровневых связей, иерархия грамматических признаков и, наконец, – соотношение описательной и объяснительной лингвистики.

Заключение. Итак, поиски причин лакунарности неизбежно ведут в область детерминационных отношений сознания и языка как на синхронном срезе, так и в диахронии. С точки зрения когнитивной науки, грамматика не автономная, замкнутая, иррациональная система, а отражение особенностей опыта познания человеком окружающего мира (ср. традиционное представление о морфологии как о сфере произвольного и идеосинкретичного). Лакуна в таком ракурсе предстает как универсальный когнитивно мотивированный компонент языковой системы. Попытка мотивации лакун позволяет понять специфику соответствующего фрагмента грамматической системы. Вообще решение проблем лакунарности относится к сфере макролингвистики и позволяет уточнить особенности стратегий кодирования

внеязыковой информации, вскрыть причины, предопределяющие как заполнение, так и незаполнение «ячеек» системы, поэтому такого рода исследования в высшей степени существенны для теоретической лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Радбиль Т.Б. Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // *Международный научный симпозиум «Русская грамматика» Сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.)* М., 2016. – С. 96 – 99.
2. Anokhina T. *Lacunae in terms of scholars: the brief overview // Филологічні трактати*, Vol. 7, № 1, 2015. pp. 7 – 10.
3. Бородай С.Ю. «Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации» // *Вопросы языкознания*, 2013, № 4. – С. 17 – 49.
4. Smith C.S. *Text, time, and context. Selected papers.* – Dordrecht: Springer, 2009. P. 87.
5. Сепир Э. *Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.* – М.: «Прогресс», 1993. – С. 26 – 203.
6. Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике* // Потебня А.А. Т.3. – М.: Просвещение, 1968.
7. Тираспольский Г.И. *Язык и лингвистика: монография.* – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – С. 194.
8. Хазагеров Т.Г., Николаев С.Г. О типологии сочетаемости количественных числительных с существительными в русском и осетинском языках // *Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки*, 1984, № 4. – С. 50 – 55.
9. Николаев С.Г., Хазагеров Т.Г. Об одной типологической параллели и ее отражении в языках Северо-Кавказского региона // *Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки*. 1988, № 2. – С. 91 – 96.
10. Брусенская Л.А., Курочкина Л.В. Интенциональное использование грамматических форм существительных в современном русском языке // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 73 – 81.
11. Kurylowicz J. *The Inflectional categories of Indo-European.* Heidelberg, 1964. P. 417.
12. Schwyzler Ed. *Griechische Grammatik.* – München, 1950. pp.350 – 357.
13. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. *Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие.* – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
14. Копров В.Ю. Практикоориентированная модель семантико-функциональной грамматики // *Международный научный симпозиум «Русская грамматика»* -М., 2016. – С. 92 – 94
15. Epps P., Arkhipov A. (eds.) *New challenges in typology: Transcending the borders and refining the distinctions.* Berlin; New York; Macton de Gruyter, 2009. pp. 428 – 435.
16. Nida E. *Toward a science of translation.* – Leiden, 1964. P. 322.
17. Алпатов В.М. «Книга А. Мейе глазами некомпаративиста» // *Вопросы языкознания*, 2010, № 6. – С. 3 – 16.
18. Касаткина Р.Ф. Русский язык ищет артикль // *Вопросы языкознания*, 2012, № 2. – С. 3 – 9.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016.

Статья поступила в редакцию 26.08.2019

Статья принята к публикации 27.11.2019